

# НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА И ФИЛОЛОГИИ

---

УДК 161.25; 161.26

## ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В КОСВЕННЫХ КОНТЕКСТАХ: ИМЕНОВАНИЕ *DE RE* И ФИКЦИИ

*И. Б. Микиртумов*<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Русское общество истории и философии науки,  
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1  
Поступила в редакцию 10.12.2021 г.  
doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-4

*Исследуется проблема значения имен собственных и иных сингулярных термов в косвенных контекстах путем соединения проблематики пустых имен, жесткой десигнации и неспецифического прочтения. Объект установки может быть дан агенту как таковой (de re), в описании (de dicto), а также несколькими промежуточными способами. От анализа феномена жесткой десигнации автор переходит к теории объекта, рассматривая два варианта альтернативности – строгий, или лейбницевский, и слабый. Первый объясняет фактическое несуществование невозможностью, второй – случайностью. Здесь возникают два способа задания несуществующих (вымышленных) объектов – родство и двойничество, реализуемые в разных по своим чертам фреймах. Неспецифический характер присущ родственникам и двойникам по-разному. Особый случай образуют гибридные миры, в которых реальное и фиктивное встречаются. В результате анализа представлены пять вариантов ослабленного de re прочтения собственных имен и иных сингулярных термов в контексте установок. Описаны их особенности, затронут когнитивный эффект наррации, которая оперирует соответствующими установками.*

**Ключевые слова:** семантика, имя собственное, пропозициональные установки, de re, фикция, жесткий десигнатор

### 1. Фикции и их неспецифический характер

Значение сингулярных термов, то есть имен собственных, референциально употребляемых дескрипций и демонстративов в косвенных контекстах остается для философской логики и формальной семантики актуальной темой, обсуждение которой идет уже более ста лет. В этой статье я хочу рассмотреть проблему значения пустого имени, или фикции, в нарративном высказывании, во-первых, в связи теорией жестких десигнаторов и, во-вторых, в сопоставлении с эффектом неспецифи-

---

© Микиртумов И. Б., 2022



ческого именованя *de re* в сообщениях о пропозициональных установках. Первый сюжет иллюстрируют предложения (1), (2), а следующий из них – (3)<sup>1</sup>:

- (1) Фродо – мужественный хоббит из Шира.
- (2) Фродо – вымышленный персонаж романа Толкиена.
- (3) Существует мужественный хоббит из Шира, вымышленный персонаж романа Толкиена.

Предложение (1) истинно в реальности романа, (2) – в так называемой метафигиональной реальности, а (3) требует для своей интерпретации уточнения области квантификации и семантики предиката «вымышленный». Пустота имени «Фродо» в актуальном мире может быть значением неартикулированной переменной контекста, если (1) есть часть рассказа о Фродо, что позволяет сформировать универсум реальности романа. Но в (2) утверждение о несуществовании Фродо делает денотат этого имени либо возможным и в прагматическом аспекте вымышленным (Kripke, 2011) объектом, либо концептом. В последнем случае имеет место именоване *de dicto*, что не соответствует прагматике высказывания, в котором Фродо подразумевается в качестве агента. В первом же случае объект дан неполно, так как неясно ни то, как обеспечить его возможность, комбинируя свойства, ни то, как расширить его «образ» за пределы всегда фрагментарного авторского описания. Это и создает эффект *неспецифичности*, который возникает при именовании *de re* тогда, когда объект дан в когнитивном контакте не непосредственно, но при помощи воображения такого метасемантического когнитивного контакта, соединяемого с перечислением свойств объекта. Представление объекта (по Фреге) или знакомство с ним (по Расселу) возникают здесь в особом модусе, который позволяет прочитывать именоване неспецифическое *de re*. Его иллюстрируют следующие примеры «покупательских намерений» (Schwager, 2011):

- (4) Адриан хочет купить пальто такого же цвета, как пальто Мальте.
- (5) Мэри хочет купить небоскреб, в котором 164 этажа.

Сценарии интерпретации таковы. В (4) мы не знаем, воспроизводит ли говорящий намерение Адриана в тех словах, в которых Адриан сам его выразил или мог бы выразить, или же установка приписывается, поскольку говорящему известно сходство цвета пальто Мальте с цветом пальто, которые рассматривает Адриан. В любом случае пока нет никакого конкретного пальто, которое носил бы Адриан в мирах своих булетических альтернатив или на которое мог бы указать говорящий, но при этом в мирах альтернатив имеется какое-то пальто, которое, видимо, вот-вот будет куплено. В случае (5) Мэри указывает на небоскреб «Бурдж-Халифа» и заявляет, что хочет купить небоскреб, в котором

---

<sup>1</sup> Здесь и далее я, по возможности, использую распространенные в литературе примеры или их адаптации.



было бы на один этаж больше. Говорящий не знает, осведомлена ли Мэри о том, что в «Бурдж-Халифа» 163 этажа, а потому нет оснований приписывать Мэри установку, выраженную в (5). Кроме того, неясно, знает ли Мэри, что искомого небоскреба пока не существует. Но Мэри, как и Адриан, в своих булетических альтернативах так или иначе представляет себе обладание небоскребом.

Сингулярные термы реализуют дейктическую функцию языка, и создание общей теории их значения затрудняется большим разнообразием способов такой реализации. К проблеме фикций я обращаюсь в контексте формальной семантики, буду использовать аппарат возможных миров и обсуждать теорию жестких десигнаторов (Kripke, 1980). Современная дискуссия о значении пустых имен ведется на стыке референциальной и психологической семантики (Maier, 2017), где традиционное движение от смысла к денотату уходит на второй план и замещается движением от речевого действия к коммуникативной эффективности. В более мягкой форме это характерно для теории репрезентации дискурса Кампа и связанной с ней психологической семантики привязок (Kamp, Genabith, Reyle, 2003), ее когнитивистская версия представлена Реканати в теории ментальных файлов (Recanati, 2012; 2017), а Гёртс предлагает фиксировать обязательства говорящего, использующего сингулярный терм (Geurts, 2017), что, как мне кажется, отсылает и к наборам действий адресата сообщения, которые могут служить тестом на фиктивность. Семантический аспект вопроса состоит в том, как должен быть устроен универсум возможных миров, пригодный для интерпретации реальных и фиктивных имен, и какой механизм интерпретации следует для этого задействовать. При этом требуется определить, какая часть семантической информации остается за контекстом в статусе внешних данных и означает контекстуальные параметры.

Ниже я буду отталкиваться от решения проблемы значения фиктивных имен, предложенного Майером. Идея Крипке об особом статусе вымышленных объектов, который отличает их от объектов возможных, реализуется Майером с помощью элементов теорий репрезентации дискурса Кампа и динамически изменяющегося контекста (Heim, 1983). Появление в дискурсе сингулярных термов приводит здесь к постулированию существования их референтов, которое прагматически объясняется как действие авторского предписания или предложения адресату вообразить предполагаемый объект (Maier, 2017, p. 4). Вслед за этим возникают ментальные состояния, в которых сингулярные термы интерпретируются каузально, то есть предполагается цепочка объектов, именуемых именем в разных мирах. Привязка является необходимым прагматическим компонентом функционирования сингулярного терма, но она не гарантирует референции, коль скоро последняя связана с миром интерпретатора. Фикции получают референты в структурах, маркированных как структуры с воображаемыми объектами, где могут находиться и объекты реальные. При этом каждая такая структура несет с собой информацию о статусе введенных дискурсом вымышлен-



ных объектов (Maier, 2017, p. 35–36). По отношению к структуре, репрезентирующей воображаемое, сингулярный терм ведет себя как именующий свой объект *de re*, но за ее пределами именование превращается в *de dicto*. И здесь, как отмечают Рами и Циммерманн, мы не можем уловить отличия между ментальными актами, сопровождающими схватывание действительной и вымышленной истории. В обоих случаях возникают эпистемические установки и включается воображение, дающее предметы некоторым образом *de re* (Rami, Zimmermann, 2017, p. 74). Кроме того, вне рассмотрения Майера остаются эпистемологические и метафизические предпосылки, адекватные наивной языковой картине мира, дающие основания для дифференциации действительного и фиктивного и прямо связанные с условиями истинности выражений.

Ниже я представлю версию теории жестких десигнаторов, которая в совокупности с двумя альтернативными способами понимания существования объекта в мире позволит как описать свойства универсума миров, на которых определяется значение сингулярных термов, так и задать несколько видов именования *de re*. Моя гипотеза заключается в том, что логико-семантическую особенность фикций составляет их неспецифический характер, природа которого является смешанной — эпистемологической и логической. Основание для этой гипотезы мне дают результаты исследований семантики сингулярных термов в сообщениях о пропозициональных установках, где как раз возникают неспецифические чтения термов *de re* (см: Schwager, 2011; Sudo, 2014; Tiskin, 2016). Их коммуникативная функция состоит в устранении дистанции между объектами в мирах пропозициональных установок и их прототипами в действительном мире за счет ослабления *de re* и смены регистра именования на *de dicto*. Этот процесс имеет коммуникативную природу, и я согласен с М. Швагер в том, что для его анализа нужна теория не семантическая, а прагматическая (Schwager, 2011, p. 411). Если наборы обязательств и действий окажутся коррелятами сингулярных термов, то такая теория сможет охватить как именование в контексте пропозициональных установок, так и оперирование вымышленными объектами.

## 2. Именование несуществующих объектов и теория жестких десигнаторов

Объекты в мирах прошлого и будущего, в мире контрфактического настоящего, в мирах, описывающих мнения, верования, желания и пр., могут быть даны в двух модусах: *de dicto*, то есть посредством описания свойств объекта, и *de re* в разных его видах, то есть посредством прямого, косвенного или воображаемого когнитивного контакта. В литературе воображаемый контакт получил название имагинативного *de re*, которое будем обозначать как *de re<sup>imag</sup>*. Расселовское знакомство с объектом, ведущее к формированию представления, в котором образ объекта дан вместе с обстоятельствами знакомства, создает здесь ментальный



файл (Recanati, 2012), в котором действительно воспринятый объект может быть замещен наброском объекта, полученным в ходе комбинации описания с восприятиями отдельных частей и качеств. Имея знакомство с красными розами и желтыми предметами, легко представить себе желтые розы, имея опыт общения с лошадьми и людьми, можно вообразить знакомство с кентавром. Практики, развитые в конкретных сферах деятельности, позволяют применять воображение вполне предсказуемо, порождая как объекты *de re<sup>imag</sup>*, так и восприятия качеств. Последние занимают промежуточное положение между объектами и положениями дел и фокусируются на качестве или состоянии, но не на предметах, их порождающих. Это хорошо видно на примерах слуховых, запаховых, тактильных, кинестетических восприятий (Méndez-Martinez, 2019). Здесь *de re<sup>imag</sup>* возникает из *de re* данного «внутреннего» состояния воспринимающего и данного *de dicto* предмета, который его аффицирует, ибо различные предметы, вызывающие одинаковое состояние, не могут быть при прочих равных условиях различены.

Знакомство, характеризуемое как привязка (якорь) сингулярного термина (Kamp, Genabith, Reyle, 2003), задает каузальную референцию в духе теории Крипке (Kripke, 1979). Любое использование такого термина несет с собой информацию о своего рода семантической пресуппозиции говорящего, которая состоит в том, что привязка однажды была осуществлена, что терм конвенционально обладает значением именно благодаря привязке и что от мира к миру сохранялась возможность когнитивного контакта с референтом имени. Эти обстоятельства подразумеваются, так что информация о привязке становится частью контекста, точнее, условий, диктуемых ситуацией употребления. Если привязка явно дана или использована в эпистемической установке, то отношение именованного становится фактом сигнификативного характера (Микиртумов, 2018). При использовании имени фиктивного объекта или передаче установки мы можем сделать такой факт содержанием пресуппозиции, восстанавливаемой в виде «префикса» высказывания (Lewis, 1978), что, например, для (1) даст (6):

(6) В мире романа Толкиена Фродо — это мужественный хоббит из Шира.

Такой префикс играет роль интенционального оператора, определяющего ситуацию произнесения. Другим способом задания привязки является параметризация, когда имени «Фродо» сопоставляется контекстуальная переменная, которая означает привязками *de re* или *de re<sup>imag</sup>*, отсылающими, соответственно, к двум разным мирам. В обоих случаях значение имени определяется в ходе одной и той же процедуры, то есть при обращении к предметной области конкретного мира.

Еще два значимых контекста вводятся выражениями

(7) Фродо не существует.

(8) Имя «Фродо» не имеет референта.



Интерпретацию (7) можно дать либо используя предикат существования, либо трактуя имя как жесткий десигнатор и означивая из контекста неартикулированную переменную возможного мира. Для (8) нужны предикат именования и онтология, содержащая знаки как сорт объектов. Такой предикат использует Майер (Maier, 2017, p. 19), а я с той же целью использую абстракцию отношения именования, порождающую термы для объектов дейктических полей ситуаций (Микиртумов, 2020). Предложение (8) выражает семантический факт и целиком принадлежит к метаязыку. Хотя (7) и (8) говорят, как кажется, об одном и том же, то есть выражают одну и ту же пропозицию, при формализации этих предложений используются разные средства. Отношение обозначения оказывается по меньшей мере трехместным и включает в себя знак, ситуацию и объект. При этом способ, каким в этом случае обозначается объект, не предполагает провала референции, и можно считать, что объекты называют себя автономно, то есть всегда имея внутреннюю привязку как данность субъекту тем или иным образом. Несуществующий в мире, то есть «внешне», объект опознается сначала как таковой «внутренне», а затем уже объявляется несуществующим. Мы оперируем объектом как тем, что может существовать или не существовать, быть реальным или вымышленным, возможным или невозможным, оставаясь при этом объектом.

Различение *de re* и *de dicto* отходит здесь на второй план, а на первый выступает то, каким способом объект может оставаться «тем же самым», претерпевая возникновение, трансформации и уничтожение. Наиболее известное решение предложено здесь Крипке и составляет содержание его теории жестких десигнаторов (далее — RD) (Kripke, 1980). Она вызвала обширную и продолжающуюся до сих пор дискуссию (см.: LaPorte, 2016), которой я касаться не буду, но изложу свое понимание того, чем являются RD.

RD, будучи смыслом термина, функционирующего как имя собственное, призван обозначать «один и тот же объект» во всех возможных мирах. Взятая в кавычки фраза является ключевой и не подразумевает отношения тождества знаков, денотаты которых совпадают. «Один и тот же» означает не тождество, но идентификацию, которая связывает объекты из двух возможных миров. В силу того что эти объекты принадлежат к разным мирам, свойства их различны и поставить знак тождества между именами этих объектов нельзя. Идентификация же связывает два разных объекта, но позволяет сказать, что это «один и тот же» объект, который меняет свои свойства при переходе от мира к миру. В этой трансформации я в действительности или в возможности удерживаю с объектом когнитивный контакт, который дает мне идентичность того, что трансформируется. Такая идентификация есть феномен, который при анализе значения имеет статус внешних данных. В предположении удержания когнитивного контакта идентификация возникает прежде, чем я фиксирую свойства объекта, что важно, если меня интересуют именно трансформации объекта. Если же когнитивный контакт не постоянен, то лакуны я заполняю, опираясь на свойства объектов, как они



даны мне в наивной языковой картине мира, то есть исхожу из общих представлений об устойчивости или неустойчивости свойств тех или иных видов и родов объектов, идентифицирую скорее похожее, чем непохожее, так что непредсказуемые изменения часто становятся причиной утраты идентификации.

Модель отношения идентификации имеет как эмпирические, так и метафизические основания, восходящие к традиции аристотелевского различения сущности и приходящего в «Категориях» и механистической теории объектов Лейбница. В последней возникновение, трансформация и уничтожение материального объекта увязаны со всем движением материи (Лейбниц, 1984, с. 383). Объект появляется в результате соединения других, прежде разделенных объектов, затем существует как целое, меняя свои свойства, и наконец уничтожается, распадаясь на элементы, начинающие с этого момента вести жизнь отдельных объектов. Идентификация, таким образом, может связывать не только разные состояния объекта, но и совокупность его частей с ним как целым, так что, например, желудь, древний дуб и доска паркета в определенном смысле оказываются «тем же самым» как логико-онтологически, когда, по Аристотелю, желудь есть дуб в возможности, а дуб — паркет в возможности, так и материально-механически, когда, по Лейбницу, желудь разворачивается в дуб, а дуб, распадаясь, дает существование доскам паркета. Если имя собственное благодаря акту именованья получает референт в некотором мире, то в последовательностях миров, которые образуют прошлое и будущее этого мира, всегда можно найти либо сам этот объект в его трансформированном виде, либо совокупности частей, из которых он возникает или на которые распадается.

Определим RD более формально. Пусть  $W$  — частично упорядоченное по времени дискретное множество миров,  $D_w$  — домен мира  $w$ ,  $A$  — имя собственное или иной сингулярный терм, который наделен функциями имени собственного. Зададим интерпретацию  $I$  констант, частичную для констант индивидуальных и полную для предикатных. При построении модели по такой интерпретации, то есть при придании значения всем выражениям языка, мы, возможно, столкнемся с пустыми именами и, следовательно, какие-то выражения не получат значения, что сделает модель и мир неполными. Пусть в мире  $w$  сингулярный терм  $A$  обозначает объект  $d^*$ . Назовем  $w$  миром привязки  $A$ , существование которого необходимо для определения жесткого десигнатора. Множество пар вида  $\langle w_n, d \rangle$  и  $\langle w_{n+1}, \emptyset \rangle$ , где на месте левого члена находится мир, а на месте правого — референт  $A$  в этом мире или пустое множество, задает трансмировую линию, или ряд идентичности  $A$  в модели  $M$ . Ему сопоставляется перечисление всех свойств, которыми обладают денотаты  $A$  в каждом из миров. Там, где  $A$  пусто, это перечисление также пусто. Полное описание объекта  $d$  мира  $w$  в модели  $M$  обозначим как  $descr(d, w)^M$ , в общем случае оно будет бесконечным. Множество всех описаний объектов из ряда идентификации  $A$ , включая пустые там, где  $A$  лишено денотата, образуют жесткий десигнатор:



$$A^{RD M} = \{descr(d^*, u^*)^M, \dots descr(d_n, w_n)^M, descr(d_{n+1}, w_{n+1})^M, \dots\},$$

где  $d' = \llbracket A \rrbracket^{M, w'}$ , и в пустом для  $A$  мире  $w_n$  имеет место  $descr(d^*, w_n)^M = \emptyset$ , где отсылка к референту  $A$  дается через референт привязки. Очевидно, что для термина  $A$  будет существовать столько версий  $A^{RD}$ , сколько существует моделей, дающих  $A$  привязку, но нас интересует одна из «естественных» моделей, то есть таких, которые отражают значения слов естественного языка и представления субъекта о правдоподобных и «нормальных» трансформациях объектов от мира к миру<sup>2</sup>. Индексы модели далее опускаем.

Итак,  $A^{RD}$  как смысл термина  $A$  есть перечень описаний денотатов  $A$  в каждом из миров и отличен от индивидуального концепта, который является функцией, сопоставляющей имени денотат в каждом мире.  $A^{RD}$  обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах, только объектом этим является набор описаний, то есть сложно устроенный концепт, а не индивид. Этот концепт в каждом возможном мире задает функцию, которая позволяет построить ряд идентичности для  $A$ . Тем самым  $A^{RD}$  содержит всю информацию о динамике значения  $A$  при переходе от мира к миру<sup>3</sup>. Как концепт  $A^{RD}$  является функцией типа  $\langle s, \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle$ . Это значит, что не всякий индивидуальный концепт типа  $\langle s, e \rangle$  задает последовательность объектов, адекватную той, которую мы связываем с рядом идентичности для  $A$ , поэтому из множества таких концептов выбираем единственный ему удовлетворяющий, используя для этого свойство типа  $\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle$ . При этом «история» объекта по-разному видна из каждого мира, так что указанное свойство должно быть задано концептом типа  $\langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle$ . В свою очередь, из множества таких концептов выбирается один, так что задается еще одно свойство, имеющее теперь тип  $\langle s, \langle \langle \langle s, e \rangle, t \rangle, t \rangle$ , и, наконец, это свойство также задается для каждого мира концептом типа  $\langle s, \langle s, \langle \langle s, e \rangle, t \rangle \rangle, t \rangle$ . Это тип имени собственного у Монтегю, который, правда приписывается сингулярным терминам во всех случаях (Montague, 1973), тогда как здесь это требуется лишь там, где имя оказывается пустым. Композициональная интерпретация достигается в этом случае благодаря типовой амбивалентности,

<sup>2</sup> В общем случае созданная моделью история объекта может противоречить логическим или физическим законам мира. Здесь мы не просто отделяем действительный мир от контрфактического и утверждаем, что они недостижимы друг для друга, но разделяем две последовательности миров, не имеющие ни одного общего мира. Пусть, например, универсумы некоторых двух миров таковы, что первый по времени содержит только тела из железа, а второй — только из золота. В этом случае, если какая-либо кросс-мировая идентификация вообще будет иметь место, то железный объект трансформируется в золотой. Физически такие миры, кажется, недостижимы друг для друга, логически же достижимы, поскольку требование непротиворечивости относится к мирам, а идентификация логически возможна между объектами с любыми свойствами.

<sup>3</sup> Так полагал и Лейбниц: «понятие индивидуальной субстанции раз навсегда заключает в себе всё, что может когда-либо произойти с ней, и... рассматривая это понятие, можно увидеть в нем всё, что можно будет справедливо высказать о ней, подобно тому, как в природе круга мы можем усмотреть все свойства, которые можно вывести из нее» (Лейбниц, 1982, с. 135).





позволяющей переопределить тип терма, если он пуст, с  $e$  на  $\langle s, \langle s, \langle \langle s, e \rangle \rangle \rangle, t \rangle$ . Фактически в естественной интерпретации  $A^{RD}$  есть множество описаний денотатов  $A$  в мирах, и  $A^{RD}(w) = descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w)$ .

Определение значения предложения с пустым именем «Фродо» в мире  $w$  может выглядеть так:

$$(9) \llbracket \text{Фродо}^{RD} \text{ скучает} \rrbracket^w = T \Leftrightarrow \langle \llbracket \text{скучать} \rrbracket, w \rangle \in \llbracket \text{Фродо}^{RD} \rrbracket \Leftrightarrow \langle \lambda x. x \text{ скучает}, w \rangle \in descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w).$$

Поскольку  $descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w) = \emptyset$ , свойство «скучать» не принадлежит к числу свойств Фродо в мире  $w$ , и (9) ложно.

Условия истинности (7) при тех же условиях таковы:

$$(10) \llbracket \text{Фродо}^{RD} \text{ не существует} \rrbracket^w = T \Leftrightarrow \text{неверно, что } \llbracket \text{Фродо}^{RD} \text{ существует} \rrbracket^w = T \Leftrightarrow \text{неверно, что } descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w) \neq \emptyset \Leftrightarrow descr(\llbracket \text{Фродо} \rrbracket^u, w) = \emptyset.$$

Здесь тип предиката существования определяет и тип аргумента «Фродо».

### 3. Семантическая информация о несуществующем

RD, построенный по трансмировым линиям и интерпретируемый «естественно», как последовательность когнитивно отождествляемых объектов, отвечает прежде всего той последовательности миров, которая завершается актуальным миром и может быть названа актуализированной. Объекты актуального мира имеют первую привязку в нем или в одном из предшествующих миров, объекты, существовавшие ранее, имеют для нас косвенную привязку, тогда как объекты, не имеющие таких привязок, оказываются фикциями. Если бы жесткий десигнатор можно было определить без привязки, фикции могли бы интерпретироваться как всюду неэкземплифицированные жесткие десигнаторы. Но такие сущности даны *de dicto* и, следовательно, могут быть заменены дескрипциями. Вместе с тем фиктивные имена употребляются иногда с очевидной прагматикой *de re*. Говорящий дает здесь понять, что объект определенным образом доступен для знакомства. Это возвращает ему «нормальность», поскольку появляется привязка и, как следствие, возможность иметь дело с RD. Таким образом, существуют следующие варианты обращения с сингулярным термом: (1) привязка в актуальной последовательности миров и последующий выбор между интерпретацией *de re* в действительном мире и RD, (2) привязка в иной последовательности миров и последующий выбор между интерпретацией *de re<sup>imag</sup>* и RD, возможно, модифицированным в связи с изменением характера когнитивного контакта.

Рассмотрим несколько примеров. Пусть выражение

$$(11) \text{ Мальчик на портрете — это будущий император Наполеон}$$

интерпретируется в актуальном мире. Привязка обоих термов — «мальчик на портрете» и «Наполеон» — косвенная, но «мальчик на портрете» употреблен *de re*, что вынуждает трактовать имя «Наполеон» как



жесткий десигнатор. Наполеон<sup>RD</sup> содержит информацию обо всех состояниях объектов, идентифицируемых с ним в прошлом и будущем, а временной оператор указывает два интервала. В первом Наполеон — это мальчик, с которого нарисован портрет, во втором — император. Высказывание (11) истинно тогда, когда свойство «быть мальчиком, с которого рисуют портрет», входит в описание референта имени Наполеон в том мире, в котором наличествует мальчик.

(12) Из Маши, возможно, получится отличная Снегурочка.

Здесь даны две временные точки, в которых присутствуют две идентифицируемые Маши, но первая еще не пробовала себя в амплуа Снегурочки, а вторая достигла в нем успеха. Маша<sup>RD</sup> дана здесь в спектре возможностей. Освоит Маша роль Снегурочки, останется снежинкой или вовсе не будет участвовать в празднике — это те свойства Маши в будущем, которые сегодня относятся к разным версиям Маша<sup>RD</sup>. Их, впрочем, можно объединить и включить в Маша<sup>RD</sup>, если в коммуникации требуется указать вероятные и нетривиальные свойства Маши в будущем:

(13) Маша — это наша будущая Снегурочка или снежинка, если, конечно, она к елке не простудится.

Миры будущего относятся к альтернативным ветвям актуализированной последовательности, которые появляются при интерпретации (12), ветвится и Маша<sup>RD</sup>.

В предложенной мной трактовке жесткого десигнатора наличие или отсутствие в мире некоторого объекта увязано со свойствами всех прочих. В мире, в котором нет Бэнкси, все отношения к нему всех существующих объектов ложны или не определены, но имя «Бэнкси» употребляется *de re*, так что предполагается его привязка к иной последовательности миров. Все объекты миров, в которых Бэнкси нет, отличны от всех объектов миров, где Бэнкси есть<sup>4</sup>. Следуя Лейбницу, можно сказать, что там, где Бэнкси нет, его не может быть, а там, где он есть, его не может не быть. В последовательности миров не могут стоять рядом такие два мира  $x$  и  $y$ , для которых появившийся в  $y$  объект не имеет предка в  $x$ , а присутствующий в  $x$  объект не имеет потомка в  $y$ , хотя бы в виде неопределенных и разрозненных «фрагментов». При движении во времени могут происходить интеграции, трансформации и дезинтеграции объектов, в ходе которых, соответственно, вместо нескольких появляется один, свойства второго объекта изменяются, третий распадается на несколько, так что к числу свойств объекта принадлежит и «память» об этих видах его движения, зафиксированная в RD.

Фиктивное отличается от действительного, во-первых, тем, что имеет привязку в мирах последовательности, не являющейся актуализиро-

---

<sup>4</sup> Вопрос о различении «внутренних» и «внешних» свойств объектов снимается многообразием миров. Например, Луна остается «внутренне» не связанной с Дедом Морозом в тех мирах, где он не проезжает и по ее поверхности, меняя тем самым «внутренние» свойства Луны, и такого рода обстоятельства можно подобрать для любого объекта.



ванной, во-вторых, тем, что его описание не может быть непротиворечиво совмещено со свойствами действительного мира, и, наконец, в-третьих, тем, что не проходит прагматический тест на действительность, то есть ускользает от подлинного знакомства. Назовем последовательности, которые являются случившимися в прошлом ответвлениями актуализированной, *контрфактическими*, тогда как последовательности, не имеющие с актуализированной ни одного общего мира, — *параллельными*. И те, и другие являются альтернативными по отношению к актуализированной.

Когда я вижу Машу, которая, если судить по ее словам и действиям, пишет письмо Бэнкси, я описываю положение дел либо в мире Маши, либо в моем мире, используя для этого систему именования либо Машины, либо мою. Высказывание может порождать двусмысленность, если я буду говорить о фиктивном для адресата моего сообщения как о реальном:

(14) Маша пишет письмо Деду Морозу,

и, вдобавок, использовать мою систему именования вместо Машиной:

(15) Маша пишет письмо Санта-Клаусу.

Что подталкивает меня к употреблению фиктивных имен и к смене именования? Попытаюсь ответить на этот вопрос по частям.

Говорящий (S), его адресат (A) и носитель установки (H) могут иметь разные представления о том, существуют ли Дед Мороз или Бэнкси. Будем считать, что гипотезы говорящего объективно верны, но что S, A и H не знают об установках друг друга относительно Деда Мороза и Бэнкси. В каждом из случаев мы получаем характеристику прагматики высказывания для A, который оказывается в роли интерпретатора, оперирующего наименьшим объемом информации, то есть вынужденного рассматривать наибольшее количество сценариев. В таблице ниже «+» и «-» означают существование и несуществование Бэнкси для A, а также, с точки зрения A, — для S и H.

(16) Маша пишет письмо Бэнкси.

#### Сценарии интерпретации выражения (16)

| Сценарий | A | A: S | A: Маша | Интерпретация                                                                               |
|----------|---|------|---------|---------------------------------------------------------------------------------------------|
| 1        | + | +    | +       | S может заблуждаться относительно установок                                                 |
| 2        |   |      | -       | Маши, если Маша имитирует действие (2)                                                      |
| 3        | + | -    | +       | S иронизирует по поводу Маши, но ирония не                                                  |
| 4        |   |      | -       | видна A. S может заблуждаться относительно установок Маши, если Маша имитирует действие (4) |
| 5        | - | +    | +       | S может заблуждаться относительно установок                                                 |
| 6        |   |      | -       | Маши, если Маша имитирует действие (6). A может предполагать иронию в словах S              |
| 7        | - | -    | +       | S иронизирует по поводу Маши. S может заблуждаться относительно установок Маши, если        |
| 8        |   |      | -       | Маша имитирует действие (8). A может предполагать иронию в словах S                         |



Сценарии (1)–(4) для А неразличимы, но А ориентирован собственной установкой на принятие скорее сценариев (1) и (3). Сценарии (5)–(8) для А также неразличимы, и А будет склонен допускать иронию в словах S. Наибольшее расхождение с «наивной» интерпретацией происходит при сценариях (4) и (8). В (4) Маша имитирует написание письма, а говорящий иронизирует по ее поводу, так что А, убежденный в существовании Бэнкси, должен будет идти наперекор своей установке, а затем принимать на веру ложную привязку имени «Бэнкси». В (8) А не верит в существование Бэнкси, в то время как высказывание S и его содержание создают впечатление, будто S и Маша считают Бэнкси существующим.

Какую семантическую информацию может извлечь А в перечисленных сценариях? Возьмем сначала отношение между А и Машей. В сценариях (1)–(4) предположение о том, что Маша действительно пишет письмо Бэнкси, оставляет А в актуализированной последовательности миров, где для А имя «Бэнкси» имеет привязку. Если А допустит, что Маша имитирует написание письма, то окажется, что для Маши «Бэнкси» привязано к параллельной последовательности миров и сама Маша, узнай она об установках А, будет относить его привязку «Бэнкси» к такой последовательности. Эти последовательности несовместимы, но, как мы видим, имя «Бэнкси» привязано к одной из них. В сценариях (5)–(8) А относит привязку «Бэнкси» к последовательностям миров Маши и говорящего, хотя они могут отрицать существование Бэнкси. Если А предположит сценарий (8), то как может выглядеть привязка «Бэнкси» для всех участников коммуникации? Маша здесь пишет письмо несуществующему контрагенту, то есть осуществляет имитацию с целью ввести кого-то в заблуждение. Она может хотеть создать впечатление, во-первых, что верит в существование Бэнкси, во-вторых, что Бэнкси существует. Если А считает Бэнкси реальным, то манипуляция Маши терпит неудачу независимо от того, стало ли ее намерение известно А, если же А считает Бэнкси несуществующим, то попытка обмана вскроется лишь при анонсировании установок Маши. В этом случае А получает семантическую информацию особого рода. Поскольку намерением Маши было создать у кого-то впечатление, что Бэнкси существует, привязка имени «Бэнкси» производится в последовательности миров, которые соответствуют установкам агента, считающего Бэнкси реальным. Но что это за агент? Возможно, такого агента нет вовсе и намерение Маши состоит как раз в том, чтобы такого агента посредством манипуляции получить. Предположим, что некий Том, услышав о том, что Маша пишет письмо Бэнкси, решил, что Бэнкси существует, хотя раньше он думал, что это медийный фантом. Привязка имени «Бэнкси» для Тома существует в последовательности миров, которую он соотносит с Машей и делает теперь своей. Это косвенная привязка. Но мы знаем, что миры Маши вовсе не таковы и что сама Маша привязывает имя «Бэнкси» к мирам агента, предполагающего его существование, то есть к мирам Тома, так что на вопрос, кто верит в существование Бэнкси, Маша могла бы ответить, что верит тот, кого она смогла



или сможет обмануть, кто поверил или поверит в то, что употребление Машей имени «Бэнкси» основано на привязке в актуализированной последовательности. В момент произнесения говорящим фразы «Маша пишет письмо Бэнкси» такого человека может не быть, так что привязка относится к последовательности миров, соотносимой с возможным агентом в возможном мире будущего. Когда намерения Маши очевидны, становится понятным такой обмен репликами:

- Маша пишет письмо Бэнкси.
- Ну, нет, на этот раз ей не удастся никого обмануть.

Мы не взвешиваем вероятности выбора адресатом сценария интерпретации (16), и адресат должен, во-первых, применить общее семантическое правило для интерпретации имени «Бэнкси» и, во-вторых, избрать прагматическую стратегию для конкретной ситуации произнесения, позволяющую придать «Бэнкси» чтение *de re<sup>imag</sup>*.

#### 4. Гибридные миры и «склейки» последовательностей миров

Что делать адресату, если он захочет исходить из сценариев (3) и (7)? Они интересны тем, что говорящий совмещает в одной фразе Машу и Бэнкси, то есть реальное и фиктивное. Как возможен мир, в котором оба имени имеют референт, хотя одно из них фиктивно? Этот вопрос отсылает к группе возможностей, в которых реальное и фиктивное соединяются в одном мире.

Так, в «Воине и мире» Толстого Элен Безухова удостоивается одобрения со стороны Наполеона, а в «Дон Кихоте» Сервантеса герой читает роман о самом себе, написанный Авельянедой, и оценивает как ложь излагаемые там сведения. В первом случае реальное и фиктивное относятся, соответственно, к актуализированной последовательности миров и к последовательности, адекватной диегезису романа. Во втором случае в вымышленной реальности романа Сервантеса возникает реальный роман Авельянеды и его вымышленная реальность. Отличие «Наполеона» от «Элен» в том, что первое имя имеет привязку в двух мирах, тогда как последнее только в одном, что формально определяет литературный прием. Имя «Дон Кихот» также привязано в двух последовательностях миров, а именно к мирам романа Сервантеса и к мирам романа Авельянеды. Если в них Дон Кихоту снится сон, то его персонажи пребывают в мирах, которые для Дон Кихота являются второй, а для нас – третьей альтернативной реальностью. Во всех этих случаях когнитивный эффект возникает вследствие того, что читатель знает о принадлежности персонажей к разным последовательностям миров. Это не просто подчеркивает вымышленный характер ситуаций, но дает импульс воображению читателя для домысливания прошлого и будущего появившегося «гибридного» мира, то есть, в терминологии Майера, для паразитических установок (Maier, 2017, p. 11–14). Для имен, имеющих двойную привязку, важно, что вторая привязка предполагает первую. Это соответствует познавательному интересу к тому, какие



свойства обнаружит реальный объект в вымышленных обстоятельствах. Такой интерес распространяется и на вымышленные объекты, относящиеся к разным реальностям. Их совмещение в одной — гибридной, по-видимому, отвечает интеллектуальной потребности сравнивать и соотносить<sup>5</sup>, в частности то, что относится к разным последовательностям миров.

Гибридный мир не может непротиворечиво вместить Наполеона и Элен, поэтому там оказываются их льюисовские двойники, а не идентифицируемые объекты. В какой степени двойник Наполеона сохраняет свои свойства, попадая в мир, в котором существует Элен, и в какой степени сохранит свои свойства Элен, если, отталкиваясь от встречи в Эрфурте, мы «паразитически» разовьем историю отношений Наполеона и Элен? Когнитивный эффект достигается в наибольшей степени, когда сохраняется как можно больше оригинальных свойств объектов, так что можно было бы сказать, что это «тот самый Наполеон» и «та самая Элен», а их модификации ограничиваются не более чем необходимым приспособлением к гибриднему миру. Их встреча в нем является необходимым условием, гипотезой, из которой одни свойства этого мира должны следовать, тогда как другие свойства не должны ей противоречить. Это значит, например, что Наполеон едет в Эрфурт, а Элен находится при дворе Александра и является безусловной красавицей. Мы не можем быть уверены в том, что обе персоны сохранят в гибридном мире свои свойства достаточно полно для того, чтобы не перестать быть «теми же самими», поскольку между оригинальными мирами и миром гибридным нет отношения идентификации, но осуществляется именно сравнение. Речь идет об объектах, которые в гибридном мире в максимальной возможной степени похожи на Наполеона и Элен, так что их объектность дана так или иначе *de re*, тогда как конечный набор черт Наполеона, позволяющий установить отношение двойничества с актуализированным Наполеоном, задает его *de dicto*, и соединение двух этих регистров образует неспецифическое *de re*.

Между Наполеоном в актуализированной последовательности и его двойником в альтернативной, как уже было сказано, нет отношения идентификации. Последнее существует там и тогда, когда предполагается когнитивное свидетельство трансформации объекта, то есть возможен контакт носителя установки именованного с объектом, в ходе которого возникает преимущество привязок. При переходе от одной последовательности миров к другой эта операция требует дополнительных условий. Наполеон в мире, в котором он встречается с Элен, имеет другую историю, поскольку все объекты в этом мире имеют другую историю. Начав повествование с того момента, когда Элен прибывает в Эрфурт, мы производим «склепку» между актуализированной

---

<sup>5</sup> Я оставляю в стороне специфику этого интеллектуального запроса, связанную, по-видимому, с освоением интеллектуальных операций. Это могло бы объяснить, почему вторичная фиктивность, например, вселенной Марвел, в которой сведены персонажи многих историй, пользуется успехом у детской и подростковой аудитории.



последовательностью миров, в которой не было Элен, и альтернативной, в которой она появляется. При этом прошлое не может оставаться тем же самым, ибо, согласно описанной выше метафизической установке, Элен не может взяться ниоткуда. Ее появление в некотором мире предполагает «фрагменты» в предшествующих мирах, так что модификации подвергается вся последовательность. Иными словами, в рамках лейбницевого подхода встреча Наполеона с Элен в Эрфурте порождает модифицированное прошлое и, следовательно, новую последовательность миров целиком, включающую как модификацию актуального мира, так и модификацию говорящего.

Можно спросить, существует ли мир, принадлежащий в прошлом обоим последовательностям — вновь полученной альтернативной и актуализированной? Если это так, то можно пройти путь, свидетельствующий о трансформации Наполеона, сначала ретроградно от актуального Наполеона к этому общему миру как по ветви дерева к сочленению, а затем, уже по другой ветви, к Наполеону, повстречавшему Элен. В этом случае мы получим *de re* идентификацию двух Наполеонов из двух последовательностей миров в древовидном фрейме. Объекты здесь не являются двойниками, которые обнаруживаются благодаря сходству по перечню свойств, но они не связаны и отношением идентификации, поэтому я буду называть их отношение друг к другу родством. В случае родства имена получают общую привязку в общем прошлом, что обеспечивает интерпретацию имени «Наполеон» в обеих последовательностях, а также в последовательностях миров мнения Элен (ее докастических альтернатив), при которой станет приемлемой «прозрачная», то есть происходящая относительно актуального мира, интерпретация (Schwager, 2011, p. 397–398), например выражений

(17) Элен понравилась Наполеону.

(18) Элен поняла, что понравилась автору секретных статей Тильзитского договора.

Для последнего выражения возможно так называемое третье прочтение, а именно такое, когда Элен не знает о тайных статьях, «автор секретных статей» получает денотат в актуальной последовательности и происходит замена именованного, используемого Элен, на именованное говорящего.

Здесь разветвление последовательности миров порождает две версии Наполеон<sup>RD</sup>, в которых свойства Наполеона до разветвления модифицируются, чтобы они оказались релевантными мирам, модифицированным так, чтобы в ходе ветвления возникли две последовательности — одна с Элен, вторая без нее. Какими должны быть эти модификации и возможны ли они вообще, мы, конечно, сказать не можем. Гипотеза о схождении в прошлом актуальной и альтернативной последовательностей, когда в последней присутствует новый объект, приводит нас к модификации прошлого обеих последовательностей, с которым мы можем быть не готовы согласиться. Это дает основание для отрицательного ответа на вопрос о ветвлении, и тогда, коль скоро последовательности ни-



где не сходятся, связь между объектами осуществляется лишь путем их описания и объекты параллельной последовательности допускают именование только *de dicto*. Здесь нет идентификации, но присутствует двойничество.

## 5. Идентификация, родство и двойничество

Древовидный фрейм и использование двойников в стиле Льюиса (Lewis, 1968), кажется, хорошо подходят для склеивания двух последовательностей миров. Но мы должны быть уверены в том, что эти последовательности действительно могут ответвляться от актуальной в общем для них мире, порождая пары объектов, которые соотносятся как родственные, а также объекты, которые не имеют таких пар. Различие между идентификацией, двойничеством и родством становится здесь очень ясным. Идентификация относится к изменениям объекта в последовательности миров, родство связывает объекты из ветвящихся последовательностей, представляющие собой версии ветвления RD, двойничество связывает объекты миров разных последовательностей. Первое основывается на когнитивном контакте и на каждом шагу сохраняет возможность именованного идентифицируемого объекта *de re*, родство обеспечивает «косвенное» *de re* через ретроградное движение по древовидной структуре, наконец, двойничество допускает именование *de re<sup>imag</sup>* на основе сравнения и именованного *de dicto*.

В случае склейки объекты актуализированной последовательности, попадающие в контрфактическую ветвь, претерпевают модификацию, так что их именование *de re* может быть только неспецифическим. В самом деле, мы не можем сказать, какими свойствами обладает Наполеон в реальности романа Толстого. Художественный прием требует, чтобы Наполеон был «тем же самым», но в мирах, где появляется Элен, это невозможно, так что «тот же самый» обеспечивается сохранением некоторого набора свойств, которые релевантны разделяемым представлениям о Наполеоне, в то время как прочие его свойства могут свободно домысливаться, тем самым отклоняясь от реальных свойств. Например, цвет его носового платка во время встречи с Элен к разделяемым свойствам не относится, поэтому в ходе модификации и домысливания он всегда может стать тем или иным. К числу таких свойств относятся и ментальные состояния Наполеона, которые не могут быть свидетельствованы извне. Если платок в действительности был белым, то он может теперь оказаться голубым, зеленым, красным и т. д., если мысли и образы были такими-то, то теперь они окажутся иными, так как появление Элен в мирах склейки изменяет ментальные состояния Наполеона, что придает ему отличие от актуализированного. Вариативность некоторых свойств Наполеона не только допускается, но необходима, как необходимо и сохранение разделяемых, то есть идентифицирующих его *de dicto* свойств.

Здесь я хочу провести параллель с неспецифическим *de re*. В примере (5) небоскреб, который хочет купить Мэри, должен быть на один





этаж выше, чем «Бурдж-Халифа», но прочие черты небоскреба неясны и самой Мэри. В мирах своих булетических альтернатив Мэри видит себя обладательницей желаемого небоскреба, во-первых, располагая сертификатами о том, что в нем 164 этажа, а в «Бурдж-Халифа» всего 163, во-вторых, находясь в некотором состоянии, которое соответствовало бы факту непосредственного владения объектом, данным *de re*<sup>6</sup>. Образ несуществующего небоскреба неизбежно оказывается смутным. Подобным образом в параллельной последовательности и в склейке последовательностей для нас смутны все фиктивные объекты и двойники, в частности Элен и Наполеон, причем в той мере, в какой новая последовательность вызвала их модификацию. Для параллельных последовательностей, то есть в случае двойничества, имя «Наполеон» имеет, таким образом, две привязки — неспецифическую и обычную, так что объект первой обладает видовыми чертами, но теряется как индивид, а объект второй — это актуализированный Наполеон.

Выбор между родством и двойничеством может быть мотивирован как эмпирически, так и метафизически. Родство предполагает свободу и случайность, исключает детерминизм, двойничество же с детерминизмом не конфликтует. Древовидный фрейм и родство мы с готовностью используем при описании альтернатив, которые не являются склейками и не содержат гибридных миров, соединяющих реальное с фиктивным. Выбор Марселем одного из трех маршрутов прогулки по окрестностям Комбре мы соотносим с древовидной структурой, в которой Марсель во всех трех последовательностях миров представляет собой различные трансформации Марселя из мира ветвления. Если выбор маршрута производится, например, ежедневно, если он каждый раз случаен и реализация любого из вариантов всегда позволяет вернуться домой, то, хотя реализуется каждый раз лишь один маршрут, трудно не предположить, что любой другой привел бы к тому же результату, так что Марсель на каждом из них родствен Марселю на актуальном.

(19) Если бы я пошел по направлению к Мезеглизу, то не попал бы под дождь.

Тогда у меня за шиворотом было бы сухо.

Здесь Марсель сравнивает себя с собою же в контрфактическом мире, «дистанция» до которого невелика и попадание в который могло бы стать следствием иного выбора маршрута несколько часов назад. Два Марселя родственны, и сопоставляемые им жесткие десигнаторы содержат тождественную информацию об их свойствах до мира расщеп-

---

<sup>6</sup> Второе обстоятельство не обязательно. Мэри может заказать строительство небоскреба в 164 этажа, оплатить его, покинуть Дубай, никогда туда не возвращаться и не видеть даже фотографий своего небоскреба. Факт владения будет тем не менее засвидетельствован ею в ходе знакомства с документами или записями в базах данных, то есть все-таки посредством объектов, именуемых *de re*.



ления включительно. Выбор между контрфактическими и параллельными последовательностями миров зависит от наших метафизических установок. Семантика фразы

(20) Если бы на Земле не было воды, я бы не попал под дождь

отсылает к контрфактической последовательности, которая сходится с актуализированной в столь отдаленном прошлом, что когнитивная ценность суждения (20) едва ли может быть высокой. К тому же при отсутствии воды не мог бы существовать и говорящий, так что гипотеза противоречит онтологическим обязательствам, вытекающим из следствия.

Для детерминистского взгляда все контрфактические предположения описывают невозможное, альтернативы являются мнимыми, если касаются прошлого, и должны интерпретироваться посредством прагматики знания, если касаются будущего. Такова, например, позиция Аристотеля в оценке будущих случайных событий. События редкие и экстраординарные мы склонны рассматривать как детерминированные, поэтому условное наклонение уместно в обращении с наглядным и конечным, но не подходит, как принято считать, для исторического рассуждения. Высказывание

(21) Если бы Наполеон женился на Элен Безуховой, он не пошел бы походом в Россию.

задает последовательность, которая если и разветвляется с актуализированной в мире, в котором случайные факторы определяют и будущее наличие или отсутствие Элен, и все перипетии ее возможных отношений с Наполеоном, то находится от актуального мира на большой «дистанции» и влечет за собой столь значительные трансформации общего прошлого, что физическая возможность такой последовательности с ветвлением представляется сомнительной. Тогда мы склоняемся к принятию детерминистской модели, согласно которой Элен в актуализированной последовательности отсутствует, потому что невозможна. Это придает когнитивную ценность гибридной реальности, в которой действительное и возможное сводятся с тем, что детерминистский взгляд зачисляет в разряд невозможного.

## 6. *De re* в гибридных мирах

Выше мы рассмотрели ряд примеров, на основе которых можно выделить следующие виды именованья *de re* в контрфактических и параллельных, в том числе гибридных, последовательностях миров:

*de re<sup>imag</sup>* — именование объекта параллельной последовательности, не являющегося двойником какому-либо действительному объекту.

*de re<sup>rel</sup>* — именование объекта контрфактической последовательности, родственного действительному.



*de re<sup>rel-HM</sup>* — именование гибридизированного объекта контрфактической последовательности, родственного модифицированному действительному.

*de re<sup>non-spec</sup>* — именование двойника действительного объекта в параллельной последовательности.

*de re<sup>non-spec-HC</sup>* — именование гибридизированного объекта параллельной последовательности, находящегося с действительным объектом в отношении обновленного двойничества.

Здесь двойники реальных объектов заданы дескриптивно и по своим свойствам в наименьшей возможной степени отличаются от своих прототипов, как это обычно имеет место в контрфактических мирах, а фиктивные объекты обладают свойствами, релевантными коммуникативной задаче говорящего, в частности воспроизводя особенности диететического мира. Иными словами, двойники и фиктивные объекты заданы в первую очередь *de dicto*, а затем уже специальным образом *de re*. Элен, попадая в Эрфурт на саммит, создает гибридный мир и определяет модификации последовательности в прошлое и расширение спектра будущего. Последовательность, отражающая историческое повествование о Наполеоне, является контрфактической, и Наполеон имеет там привязку *de re<sup>rel</sup>*. Миры романа Толстого, если мы стоим на детерминистских позициях, образуют параллельную последовательность, где Наполеон дан как двойник *de re<sup>non-spec</sup>*, а Элен дана *de re<sup>imag</sup>*. Появление в этих мирах Фродо модифицирует последовательность, и свойства в ней Наполеона частично меняются, что обновляет отношение двойничества. Наполеон будет дан *de re<sup>non-spec-HC</sup>*, Элен *de re<sup>imag</sup>*, а Фродо, коль скоро его исходная привязка осуществляется в мирах романа Толкиена, будет двойником по отношению к своему прототипу и задан *de re<sup>non-spec</sup>*. Если же детерминистская позиция будет ослаблена, то Элен в Эрфурте будет принадлежать к гибридному миру контрфактической последовательности, ответвившейся от актуализированной. В этом случае ее привязка будет иметь характер *de re<sup>imag</sup>*, а сама последовательность будет модифицирована сначала в прошлое, а затем в будущее по всем ветвям. В силу этого привязка Наполеона в ней изменится на *de re<sup>rel-HM</sup>*, причем изменятся, возможно, свойства как его самого, так и любых иных объектов актуализированной последовательности. Иными словами, параллельные миры, в которых в Эрфурте появляется Элен, модифицируются этим обстоятельством, и с ними модифицируется отношение двойничества, а появление Элен в контрфактическом мире модифицирует и мир актуальный.

Семантическое правило для гибридных миров таково: интерпретация сингулярных термов, привязанных к разным последовательностям, происходит с утратой специфичности объекта, данного изначально более специфически. Это значит, например, что в детерминистской установке появление Элен в Эрфурте делает Наполеона двойником в модуле *de re<sup>non-spec</sup>*, а последующее появление Фродо — данным уже *de re<sup>non-spec-HC</sup>*. Каждый новый фиктивный объект будет увеличивать неопределенность свойств Наполеона и ослаблять отношение двойничества.



## 7. Заключение

Гибридный мир создается для того, чтобы свести родственника или двойника реального объекта с объектом фиктивным, то есть имеющим привязку в самой гибридной, а также в некоторой параллельной последовательности. Возможность гибридной последовательности и ее миров есть гипотеза, когнитивным основанием которой является интенция воображаемого знакомства с объектами. Эта возможность остается фоновой проблемой для любого обращения к гибридным мирам и придает вымыслу, близкому к реальности, значение альтернативы, в которой раскрываются свойства и реальных, и вымышленных объектов. Значительно дистанцированные от реальности параллельные миры играют роль теста на инвариантность, как правило, антропологических типов, фундаментальных ценностей и наиболее общих законов.

Когда мы не можем сказать относительно последовательности миров, возможны ли они и возможны ли трансформации их объектов, образующие удовлетворяющие нашим коммуникативным задачам жесткие десигнаторы Наполеон<sup>RD</sup>, Элен Безухова<sup>RD</sup> и т.д., перед нами оказываются только наброски миров и наброски объектов, возможно, без прошлого и будущего и, возможно, противоречивых. Если при этом указанная неопределенность является основанием когнитивного эффекта высказывания и текста, то логико-семантический статус параллельных и гибридных последовательностей миров и объектов в них следует изменить. Вместо задачи отражения иной, но возможной реальности перед ними стоит задача репрезентации намерений говорящего, мир и объект уже не описываются, а интендируются, чему служит прежде всего гибридизация, то есть совмещение реального или родственного реальному с фиктивным. Фактура *de re* таких миров задана ментальными репрезентациями знакомств с не вполне определенными, то есть неспецифическими, объектами, и этого достаточно для того, чтобы адресат сообщения по мере необходимости доопределял характеристики знакомства с ними и их свойства, а также достраивал необходимые положения дел. Поскольку все указанные наборы характеристик конечны, для интерпретации достаточно семантики с конечной и прикладной онтологией, адаптированной под конкретный контекст, а интендирование новых объектов и последовательностей миров представляет собой действие по ее конечному расширению. В частности, интендирование гибридного мира есть результат интерпретации высказывания, в котором лишенный специфичности реальный и фиктивный объекты связаны отношением. Для того чтобы установить, что это так, достаточно сопоставить жесткие десигнаторы имен этих объектов, которые будут относить их экземпляфикации к разным последовательностям. Их склейка задается гибридным миром, и ее отношение к актуализированной последовательности вытекает из установок интерпретатора: следует он детерминистской или более слабой версии существования и несуществования объектов в мире.



Представленные выше варианты чтения *de re* в альтернативных последовательностях миров опираются на мою версию жесткого десигнатора. Это позволяет сделать структуру миров более релевантной интуитивным представлениям о вымышленных объектах, в частности о том, как они могут мыслиться не локально и фрагментарно, а с возможностью построения паразитических установок, то есть при попытке домысливать миры до некоторой полноты. Именно это вполне естественное усилие делает проблематичным не только всякий вымысел, но и всякое смещение именованного в контексте пропозициональных установок. В последнем случае производится простой шаг, порождающий усиление степени неспецифичности объекта, то есть его смещение в сторону объекта вымышленного. Пределом является двойник из параллельной последовательности. Важно, однако, что именование *de re* в том или ином виде сохраняется и в этом случае.

*Исследование выполнено в рамках проекта Русского общества истории и философии науки, поддержанного грантом РНФ №21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».*

#### Список литературы

Лейбниц Г. В. Рассуждение о метафизике / пер. с фр. В. П. Преображенского // Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 125–163.

Лейбниц Г. В. Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией / пер. с фр. В. П. Преображенского // Соч. : в 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 371–393.

Микиртумов И. Б. Семиотические факты // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16, №4. С. 311–334.

Микиртумов И. Б. Логика отношения именованного и идентификация // Логико-философские штудии. 2020. Т. 18, №2. С. 112–133.

Geurts B. Fictional Commitments // Theoretical Linguistics. 2017. Vol. 43, №1–2. P. 53–60.

Heim I. File change semantics and the familiarity theory of definiteness // Meaning, Use and the Interpretation of Language / ed. by R. Bäuerle, Ch. Schwarze, A. von Stechow. Berlin, 1983. P. 164–190.

Kamp H. Using proper names as intermediary between labelled entity representations // Erkenntnis. 2015. Vol. 80. P. 263–312.

Kamp H., Genabith J. V., Reyle U. Discourse representation theory // Handbook of philosophical logic / ed. by D. Gabbay, F. Guenther. Heidelberg, 2003. Vol. 10. P. 125–394.

Kripke S. A Puzzle about Belief // Meaning and Use. Synthese Language Library / ed. by A. Margalit. Dordrecht, 1979 (Texts and Studies in Linguistics and Philosophy ; Vol. 3). P. 239–283.

Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, MA, 1980.

Kripke S. Vacuous names and fictional entities // Philosophical troubles / ed. by S. Kripke. Oxford, 2011. P. 52–74.

LaPorte J. Rigid Designators // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/rigid-designators/> (дата обращения: 10.09.2021).

Lewis D. Counterpart Theory and Quantified Modal Logic // Journal of Philosophy. 1968. Vol. 65, №5. P. 113–126.

Lewis D. Truth in fiction // American Philosophical Quarterly. 1978. Vol. 15. P. 37–46.



Maier E. Fictional names in psychologicistic semantics // *Theoretical Linguistics*. 2017. Vol. 43, №1–2. P. 1–45.

Méndez-Martínez J.L. What Counts as “a” Sound and How “to Count” a Sound // *Synthesis philosophica*. 2019. Vol. 67, №1. P. 173–190.

Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // *Approaches to Natural Language* / ed. by J. Hintikka, J. Moravcsik, P. Suppes. Dordrecht, 1973. P. 221–242.

Rami D., Zimmermann T.E. Imagination, Psychologicistic Semantics, and the Paradox of Fictional Names // *Theoretical Linguistics*. 2017. Vol. 43, №1–2. P. 71–80.

Recanati F. *Mental files*. Oxford, 2012.

Recanati F. Fictitious Anchors // *Theoretical Linguistics*. 2017. Vol. 43, №1–2. P. 81–93.

Schwager M. Speaking of qualities // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT)* / ed. by E. Cormany, S. Ito, D. Lutz. 2011. Vol. 19. P. 395–412.

Sudo Y. On *De Re* Predicates // *Proceedings of WCCFL*. 2014. Vol. 31. P. 447–456.

Tiskin D. Aspects of naming and names of aspects // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 17. 2016. Вып. 4. P. 75–84.

### Об авторе

Иван Борисович Микиртурмов, доктор философских наук, Русское общество истории и философии науки, Россия.

E-mail: imikirtumov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9382-249X

#### Для цитирования:

Микиртурмов И. Б. Интерпретация имен собственных в косвенных контекстах: именование *de re* и фикции // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2022. Т. 13, №2. С. 75–98. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-4.



ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

## MEANING OF THE PROPER NAMES IN CONTEXTS OF ATTITUDES: *DE RE* NAMING AND FICTIONS

I. B. Mikirtumov

Russian Society for the History and Philosophy of Science,

Russia, 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12/1

Submitted on December 10, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-4

*The author explores the meaning of proper names and other types of singular terms in the context of propositional attitudes, combining the problems of empty names, rigid designators and non-specific reading. An object in the attitudes can be given to the agent as such (de re), in the description (de dicto), as well as in several intermediate ways. From the analysis of the phenomenon of rigid designation, I move on to the theory of the object, where I consider two alternatives – strict, or Leibnizian, and weak. The first explains the actual non-existence by impossibility, the second – by occasionality. Here there are two ways of defining non-existent (fiction-*



al) objects – kinship and the counterpart relation, which are realized in frames that are different in their features. Nonspecific character is inherent in the kinship and counterpart relation in different ways. A special case is formed by hybrid worlds in which the real and the fictitious meet. The result of my analysis is five variants of a weakened *de re* reading of proper names and other singular terms in the context of attitudes. I describe their features, touching on the cognitive effect of narration, which operates with the appropriate attitudes.

**Keywords:** semantics, proper noun, propositional attitudes, *de re*, fiction, rigid designator

### References

- Geurts, B., 2017. Fictional Commitments. *Theoretical Linguistics*, 43 (1–2), pp. 53–60.
- Heim, I., 1983. File change semantics and the familiarity theory of definiteness. In: R. Bäuerle, Ch. Schwarze and A. von Stechow, eds. *Meaning, Use and the Interpretation of Language*. Berlin, pp. 164–190.
- Kamp, H., 2015. Using proper names as intermediary between labelled entity representations. *Erkenntnis*, 80, pp. 263–312.
- Kamp, H., Genabith, J. V., Reyle, U., 2003. Discourse representation theory. In: D. Gabbay and F. Guenther, eds. *Handbook of philosophical logic*, 10. Heidelberg, pp. 125–394.
- Kripke, S., 1979. Puzzle about Belief. In: A. Margalit, ed. *Meaning and Use. Synthese Language Library (Texts and Studies in Linguistics and Philosophy)*, 3. Dordrecht, pp. 239–283.
- Kripke, S., 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA.
- Kripke, S., 2011. Vacuous names and fictional entities. In: S. Kripke, ed. *Philosophical troubles*. Oxford, pp. 52–74.
- LaPorte, J. Rigid Designators. In: E. Zalta, ed. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/rigid-designators> [Accessed 10 September 2021].
- Leibniz, G.W., 1982. Reasoning about metaphysics. In: G.W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes], 1. Translated by V.P. Preobrazhenskii. Moscow, pp. 125–163 (in Russ.).
- Leibniz, G.W., 1984. Correspondence with Queen Sophia-Charlotte of Prussia and Kurfürstin Sophia. In: G.W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes], 3. Translated by V.P. Preobrazhenskii. Moscow, pp. 371–393 (in Russ.).
- Lewis, D., 1968. Counterpart Theory and Quantified Modal Logic. *Journal of Philosophy*, 65 (5), pp. 113–126.
- Lewis, D., 1978. Truth in fiction. *American Philosophical Quarterly*, 15, pp. 37–46.
- Maier, E., 2017. Fictional names in psychologistic semantics. *Theoretical Linguistics*, 43 (1–2), pp. 1–45.
- Méndez-Martínez, J.L., 2019. What Counts as “a” 174 Sound and How “to Count” a Sound. *Synthesis philosophica*, 67 (1), pp. 173–190.
- Mikirtumov, I.B., 2018. Semiotic facts. *Logiko-filosofskie shtudii* [Logical and philosophical studies], 16 (4), pp. 311–334 (in Russ.).
- Mikirtumov, I.B., 2020. The logic of the naming relation and identification. *Logiko-filosofskie shtudii* [Logical and philosophical studies], 18 (2), pp. 112–133 (in Russ.).
- Montague, R., 1973. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. In: J. Hintikka, J. Moravcsik and P. Suppes, eds. *Approaches to Natural Language*. Dordrecht, pp. 221–242.
- Rami, D., Zimmermann, T.E., 2017. Imagination, Psychologistic Semantics, and the Paradox of Fictional Names. *Theoretical Linguistics*, 43 (1–2), pp. 71–80.



- Recanati, F., 2012. *Mental files*. Oxford.
- Recanati, F., 2017. Fictitious Anchors. *Theoretical Linguistics*, 43 (1–2), pp. 81–93.
- Schwager, M., 2011. Speaking of qualities. In: E. Cormany, S. Ito and D. Lutz, eds. *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT)*, 19. New York, pp. 395–412.
- Sudo, Y., 2014. On De Re Predicates. *Proceedings of WCCFL*, 31, pp. 447–456.
- Tiskin, D., 2016. Aspects of naming and names of aspects. *Vestnik SPbSU. Series 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 4, pp. 75–84.

### The author

*Prof. Ivan B. Mikirtumov*, Russian Society for the History and Philosophy of Science, Russia.

E-mail: [imikirtumov@gmail.com](mailto:imikirtumov@gmail.com)

ORCID: 0000-0001-9382-249X

### To cite this article:

Mikirtumov, I.B. 2022, Meaning of proper names in contexts of attitudes: *de re* naming and fictions, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 2, p. 75–98. doi: 10.5922/2225-5346-2022-2-4.



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))